

СИБИРСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

В статье рассматривается вопрос отношения российских политических партий и сибирской общественности постфевральской России к институту Всероссийского Учредительного собрания. Актуальность заявленной темы определяется тем, что в исторической науке она является объектом острой дискуссии в понимании места и роли Российской Конституанты как результата общенационального кризиса 1917 года. Цель изучения состоит в выявлении причин неудачи процесса легитимизации института Учредительного собрания в развитии русской революции. Исходя из данной цели задачей является анализ отношения различных социальных классов и политических партий России периода революции, включая сибирскую общественность, к Конституционному форуму страны. Новизна статьи состоит в сравнительном анализе статистики и специфике итогов выборов в Сибири. В ходе изучения проблемы выявлена специфика краевой выборной кампании, ее результаты и реакция сибирской общественности на роспуск Конституционного форума революционной России.

Ключевые слова: Февральская революция, Временное правительство, Октябрьский политический переворот, Всероссийский съезд Советов, Всероссийское Учредительное собрание, Сибирский регион, советская демократия, умеренная демократия, цензовая демократия.

Введение. В январе 2018 г. отмечалось 100-летие открытия Всероссийского Учредительного собрания и его насильственный роспуск, который стал одной из причин Гражданской войны в России. Проблема конституционного строя России начала XX века традиционно находилась в центре внимания общественности страны. Попытка оформить Российскую Конституанту¹ в лице Государственной думы оказалась бесплодной, так как она не получила необходимых полномочий [1]. Февральский политический переворот 1917 г. дал шанс для выработки первой Конституции страны. Общественность России все надежды по переустройству страны связывала с демократически избранным Всероссийским Учредительным собранием, однако по ряду причин данный конституционный форум потерпел неудачу. Политические события конца XX века вновь поставили перед исторической общественностью на повестку дня задачу оценки событий, связанных с данным событием русской революции 1917 г. Ход дискуссии выявил противоположные мнения. В начале XXI века тема Учредительного собрания перестала быть актуальной, и число публикаций за последние два десятилетия существенно сократилось. По этой причине важно продолжить обмен мнениями специалистов на заданную тему.

Основная часть. Февральский государственный переворот 1917 г. в России поставил перед ее обществом вопрос об узаконении политических итогов данной революции. В том, что новый политический порядок, возникший после Февраля, нуждался в конституционном закреплении, соглашались все партии и политические силы страны за исключением консерваторов и монархистов [2, с. 129–130]. Согласны с этим были, например, либералы, которые считали Учредительное собрание «твердым остров-

ком» и конечной целью революции в океане революции [3]. Исходя из поставленных политическими партиями страны стратегических задач вокруг срока созыва и порядка выборов в Конституанту революционной России началась избирательная борьба, имевшая целью оформить выгодную для каждой из них «волю народа земли русской».

В самом сложном положении оказались кадеты, которые стремились через Конституанту ввести режим представительной демократии: «Россия должна быть демократической парламентарной республикой. Законодательная власть принадлежит народному представительству» [4, с. 78]. Члены этой партии как в России, так и в Сибири после Февраля убедились в своем ограниченном влиянии на широкие народные массы, которые воспринимали их как партию буржуазии. Падение авторитета и влияния кадетов на общество началось еще до второй революции, а после Февраля оно резко усилилось в связи с защитой либералами интересов буржуазии, что вызывало негативное отношение к ним солдатской массы и трудовых слоев населения страны. Отрицательно влияла на общий рейтинг партии кадетов их империалистическая позиция в отношении продолжающейся мировой войны. Принимая во внимание данную негативную тенденцию, лидеры кадетов, выступая за войну до победного конца, призывали отложить созыв Учредительного собрания до ее завершения, рассчитывая после ее успешного завершения поднять рейтинг их партии как «партии победы», после чего законодательно утвердить на конституционном форуме программу переустройства России на основах либерализма. Исходя из этой цели, кадеты намеренно затягивали вопрос о дате созыва Конституанты. Так, 9 июля второе коалиционное Временное

правительство в своей Декларации заявило о начале ее работы 17 сентября 1917 г. [5, с. 290], но 9 августа под давлением кадетов решает: «Днем выборов в Учредительное собрание назначить 12 ноября, а сроки созыва Учредительного собрания — 28 ноября 1917 года» [6, с. 85].

Важно указать, что тормозили сроки выборов в Учредительное собрание два объективных обстоятельства. Во-первых, на Совещании о выработке правил проведения выборов в Учредительное собрание, начавшем свою работу в мае 1917 г., представители политических партий никак не могли договориться о модели выборов, поэтому шли продолжительные дискуссии о преимуществах и недостатках мажоритарной и пропорциональной систем, хотя большая часть участников совещания склонялась к принятию пропорциональной формы народного волеизъявления [7]. Поэтому итоговое решение провести выборы по партийным спискам Совещание приняло только 2 сентября 1917 г., после чего все материалы своей работы передало Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии Временного правительства [8].

Во-вторых, проведение всех этапов процедуры выборов требовало больших денежных затрат, однако еще в мае революционная Россия стала финансовым банкротом. В правительстве в этих условиях обсуждался вопрос о проведении принудительного займа на 10 млрд рублей, но он не был осуществлен из-за опасения негативной реакции населения [9]. Правительство в поисках выхода из финансового тупика вотировало выпуск дополнительно кредитных билетов на 2 млрд рублей [10]. Данное решение, как показали дальнейшие события, оказалось паллиативом, так как средств все равно не хватало даже на текущие нужды страны. Поэтому разъяснительная работа, функционирование выборных комиссий, изготовление избирательных бюллетеней и т. д. проходили в условиях острого недофинансирования, хотя известную долю расходов по ведению предвыборной агитации среди населения взяли на себя политические партии, как это было в Сибири.

Эсеры, в отличие от кадетов, по ряду обстоятельств в это время выступали за немедленный созыв Учредительного собрания. Кроме стремления сохранить свой статус как «партии защиты народа», они пытались использовать свое влияние на население деревни в глубинных районах страны, поскольку шел быстрый переход солдатской массы на сторону леворадикальных партий. Так, В. М. Чернов признал, описывая ситуацию на IV съезде ПСР, что «солдатская часть съезда, благодарная большевикам за прекращение войны, валом валит к «левому», пробольшевистскому сектору» [11, с. 347]. Сибирская организация эсеров, а также областные органы власти, которые были под их контролем, старались также как можно быстрее составить избирательные списки и провести выборы в Учредительное собрание еще до исхода солдат с фронта. Как писал алтайский эсер А. И. Шапошников, «в связи с прибытием с фронта и больших городов солдат настроение деревни стало меняться. Когда я в ноябре ездил по округу с агитацией за список № 2 (с.-р. и Совета крестьянских депутатов), то на крестьянских собраниях в селах уже приходилось сталкиваться с серьезными оппонентами в пользу большевиков» [12, с. 73].

В Сибири победа эсеров на выборах в Конститутанту была закономерна и предсказуема. Для этого на лицо были как субъективные, так и объективные факторы. В первую очередь, это сохранение эсерами своего влияния на краевое крестьянство как выразителей его настроений. Так, репортеры газеты «Степная речь» писали, что в степных районах Сибири «агитация идет успешно: мешают солдаты, но крестьяне мало обращают на них внимание» [13]. На стороне эсеров были их представители во всех структурах волостной, уездной и губернской власти [14, с. 58]. Кроме того, они имели серьезные финансовые ресурсы, поступавшие в избирательный фонд партии от кооператоров и по подписке граждан, а также по линии государственных учреждений. Также областные эсеры имели большое число печатных изданий. По данным томского историка Е. Н. Косых, в марте-декабре 1917 г. они издавали 38 партийных газет, работали в 75 эсеро-меньшевистских и в 17 общедемократических изданиях [15, с. 110]. В Сибири для успеха эсеров на выборах практическое значение имел фактор вхождения во все сельские избирательные комиссии, представителей местной интеллигенции, поддерживавших и защищавших их избирательную платформу.

В успехе эсеров известную роль играл фактор общей оторванности региона от быстро текущих событий в центре страны, в ходе которых российские эсеры быстро теряли свое преимущество над другими политическими партиями. По Сибири, видимо, в их победу на выборах внес вклад и фактор фальсификации в пользу эсеров, хотя в литературе бытует мнение о беспристрастности данных выборов. Так, например, инструкторы по выборам в Петропавловском уезде Акмолинской области накануне голосования сообщали, что «в некоторых местностях крестьяне не имеют понятия о списках и вообще о выборах» [13].

При доминировании эсеров в органах власти края и присутствии в составе избирательных комиссий сочувствующих им членов не сложно предположить, что при общей политической непросвещенности и малограмотности сибирских крестьян они «помогали» выбрать список партии эсеров в день волеизъявления, о чем имелись жалобы и протесты в окружные комиссии [12, с. 76]. Важно, что обычно эсеры свои избирательные списки сдавали первыми, получая весомое преимущество. Как разъяснял порядок выборов официоз газета «Учредительное собрание», «каждый избиратель может подписать только один кандидатский список. Если же он подпишет таких списков несколько, то действительной считается подпись на первом поступившем в комиссию списке» [16]. Данный вариант вполне мог быть применен в ходе выборов в Сибири, так как в России, по данным Н. Г. Думовой, в уездах Вологодской, Новгородской, Олонецкой, Ставропольской, Тамбовской и в ряде других губерний избиратели получали на руки лишь списки эсеров и кадетов [4, с. 51], тем самым вызвав недовольство и репрессии Совнаркома против Комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание, где после июля 1917 г. в ее составе не было членов от большевиков.

Стоит отметить, что министерство внутренних дел еще до октябрьского политического переворота сообщало, что число избирателей составляло 90 млн человек и необходимо было изготовить такое же количество удостоверений, конвертов и избирательных записок (бюллетеней), при этом было

решено их сделать на 100 млн избирателей [17]. Отсюда произошли массовые приписки, острые недоразумения, отсутствие на форуме нескольких сот депутатов (из 815 присутствовало 410 человек) [18, с. 833], что ставило под вопрос легитимность Конститутанты, тем более что, по официальным данным, в выборах участвовало 44 433 309 человек, или менее 50 % потенциальных избирателей [18, с. 834].

Областные эсеры, исходя из своего понимания сути института демократии, или «народоправия», все внимание в период подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание уделили аграрным районам региона, где проживала подавляющая часть населения Сибири. В то же время их главный конкурент на выборах (краевая организация партии большевиков) активно работал в городах и рабочих поселках на линии железных дорог, а также в воинских гарнизонах сибирских военных округов, полагая, что объективно более организованный город неизбежно навяжет деревне свою политическую волю и поведет за собой.

Кризис вокруг выборов состоял в том, что партия большевиков, набиравшая политический вес в условиях общенационального кризиса, Конститутанту уже не считала инструментом развития революции. Так, Л. Д. Троцкий писал: «Ни одна из партий не снимала еще лозунга Учредительного собрания, в том числе и большевики. Но почти незаметно в ходе событий революции главный демократический лозунг, в течение полутора десятилетий окрашивавший своим цветом героическую борьбу масс, побледнел, вылинял, как бы стерся между жерновами, стал пустой шелухой, голой формой без содержания, традицией, а не перспективой. В этом процессе не было ничего загадочного. Развитие революции упиралось в непосредственную схватку из-за власти между двумя основными классами общества: буржуазией и пролетариатом. Ни одному, ни другому Учредительное собрание уже ничего дать не могло. Мелкая буржуазия города и деревни могла в этой схватке играть лишь вспомогательную и второстепенную роль» [19, с. 81]. В известной степени данную точку зрения разделял ряд большевиков Сибири, хотя в партийной организации преобладало желание обеспечить успех Конститутанты, так как это было решение VI съезда партии. Видный большевик А. И. Окулов разъяснял депутатам городской Думы Красноярска причины политического переворота в столице и свержение еще до созыва Учредительного собрания правительства: «Необходимо, чтобы за ним стояла грозная сила в виде Советов. Тогда Учредительное собрание будет обеспечено и никакой Корнилов или Каледин не посягнут на него» [6, с. 87].

Однако вскоре под влиянием успешного распространения по стране власти Советов и позитивно-го восприятия основной массой населения России, в том числе и Сибири, Советских декретов лидеры большевиков региона вслед за центральным руководством своей партии по-новому трактовали сущность прав Конститутанты. По их мнению, суть дела была не в Учредительном собрании как таковом, а в том, что оно делало для трудящихся. Данное мнение имело хождение и среди крестьян Сибири. Так, крестьянский съезд Верхнеудинского уезда вынес резолюцию: «От Учредительного собрания требуем признания Советской власти, в противном случае Учредительное собрание, как не отвечающее чаяниям народа, должно сложить свои полномочия,

и предлагаем ему не ждать, когда своей волей народ его распустил» [20, с. 122].

Исходя из данной идеологической парадигмы, руководство большевиков, учитывая свою быстро растущую на этот период времени популярность среди рабочих и крестьян, нанесло удар по конструкции Учредительного собрания, издав декрет об отзыве депутатов. Возражать оппонентам большевиков против декрета было очень сложно, так как отзыв является самой демократической формой волеизъявления народа. Большевики и левые эсеры, опираясь на этот декрет, лишали политических конкурентов депутатского мандата, тем самым увеличивая свое представительство на форуме, о чем, например, заявил III Западно-Сибирский областной съезд Советов. Лидеры советской демократии, видимо, исходили из предположения о длительности работы Конститутанты. Как писал депутат-эсер М. В. Вишняк, «Советская власть решила его унизить — предложить добровольно капитулировать, согласиться на превращение в учено-исследовательское учреждение по вопросам социалистического строительства при Совнарком» [21, с. 338]. Еще один удар по конструкции Учредительного собрания нанесен был Совнаркомом 29 ноября 1917 г., когда были смещены и арестованы члены Комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание от кадетов и правых эсеров, а материалы работы комиссии были конфискованы.

Выборы по Сибири во Всероссийское Учредительное собрание эсерам дали убедительную победу, самую большую из всех 54 избирательных округов России. За них проголосовало, по данным Э. И. Черняка, 1 893 440 человек, или 78 % от числа голосовавших [22, с. 232], а по сведениям М. В. Шиловского — 2 017 991, или 75 % [6, с. 90]. Их политические оппоненты — большевики, по сведениям Э. И. Черняка, имели 228 034 голоса, что составило 9,7% от числа проголосовавших [22, с. 232], а по данным М. В. Шиловского, 231 295, или 8,6 % [6, с. 90]. По выкладкам А. В. Добровольского, оперирующего цифрами из статьи В. И. Ленина «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», в Сибири эсеры получили 2 094,8 тыс. голосов, или 75 % от числа пришедших на выборы, а за список большевиков проголосовали 273,9 тыс. избирателей, или 10 % [12, с. 74] При оценке общих итогов выборов в Учредительное собрание в Сибирском регионе нельзя сбрасывать со счетов и выборные манипуляции членов избирательных комиссий.

Большой процент голосов за эсеров в Сибири по сравнению с большинством избирательных округов в Европейской России, где партия эсеров получила в среднем 40 % голосов избирателей, по нашему мнению, стоит отнести к тому факту, что сибирские крестьяне еще не столкнулись на практике с реализацией закона от 6 сентября 1917 г. о продовольственной разверстке под названием «Правила производства учета хлебов урожая 1917 г. и прежних лет» [23]. Этот закон как продолжение закона о хлебной монополии государства вводил полное отчуждение хлеба в хозяйствах крестьян, за исключением посевного материала, корма для скота и нормы питания на одного члена семьи в месяц. Так, на человека в месяц полагался один пуд хлеба, для взрослых рабочих — 1 пуд 10 фунтов. Для Сибири и Степного края норму установили в 1 пуд 10 фунтов в месяц на человека, а для взрослых рабочих — 1 пуд 20 фунтов. Как и в других регионах страны, в Сибири паек на человека в день

был установлен в 10 золотников крупы. Губернским продовольственным комитетам предоставлено было право понижать и эти минимальные нормы продовольственного пайка.

Так как в решении Временного правительства об отчуждении хлеба ничего не говорилось об его изъятии в частновладельческих хозяйствах, то против этого закона в Европейской России началась настоящая «жакерия», грозившая полностью развалить страну. Министр продовольствия А. В. Пешехонов писал: «Крестьяне препятствуют уборке хлебов сельскохозяйственными машинами, снимают с работ на полях казенных и частновладельческих и других имений военнопленных, постоянных и пришлых рабочих; принуждают владельцев и арендаторов платить военнопленным за труд более установленной правительственной властью платы; принуждают хозяев, а также постоянных и пришлых рабочих повышать ранее договоренные ими цены за труд; принуждают владельцев и арендаторов за сельскохозяйственные работы платить не деньгами, а хлебом; насильственно захватывают хлеба и кормовые продукты, покосы, живой и мертвый инвентарь» [24]. Итогом бунта крестьян и блокады поставок хлеба из казачьих областей стал срыв хлебозаготовительной кампании, так как из намеченных 526 млн было собрано осенью 1917 г. всего 27 млн пудов. По признанию министра торговли С. Н. Прокоповича, в августе запасы хлеба в распоряжении правительства составляли 25 млн пудов. При этом расстройство транспорта не позволяло использовать и эти запасы [25].

В отличие от европейской части страны, Сибирь из-за расстройств работы железнодорожного транспорта, по существу сорвавшего хлебозаготовительные операции в регионе (на Омской железной дороге станции «буквально забиты зерном, вследствие чего даже прекратилась перевозка и сдача крестьянами зерна» [6, с. 90]) не испытала по-настоящему потрясений крестьянской войны против продразверстки Временного правительства, как это было в России, и выборы прошли в сравнительно спокойных условиях, принеся успех эсерам. Важно учитывать при анализе настроений населения Сибири в ходе выборов, что в этот период они еще проходили по единым спискам, хотя в ноябре 1917 г. они раскололись на левых и правых, завершив размежевание, начавшееся еще на III партийном съезде, поэтому сложно назвать, какой численный контингент избирателей проголосовал за программу левых, а какой — за платформу правых, хотя нет сомнений, что предпочтения были отданы кандидатам лидера партии эсеров В. М. Чернова [26, с. 51], а не малоизвестного пока вождя левых эсеров М. А. Спиридоновой. В Сибири за левых эсеров, по данным М. В. Шиловского, проголосовало 7 407 человек, или 0,27 % участвовавших в выборах [6, с. 90].

Однако принимая во внимание, что в ряде городов Европейской России при выборе кандидатов от правых или левых эсеров население ориентировалось в основном на адептов М. А. Спиридоновой, данную специфику электоральных предпочтений важно учитывать и при анализе итогов выборов в Сибири, что увеличивает успех советских партий. Стоит обратить внимание на лозунги мятежных крестьян региона эпохи антиколчаковского партизанского движения, где прослеживаются главные постулаты программы левых эсеров, т. е. власть Советов на базе народоправства и уравнивательное

распределение земли среди трудового крестьянства. Важен и тот факт, что повсеместно в Сибири в ходе антикоммунистических восстаний 1920—1921 гг. повстанцы отрицали лозунг правых эсеров «Вся власть Учредительному собранию», выбросив лозунг «За Советы без коммунистов». В начале 1921 г. в инструктивном письме Сиббюро ЦК РКП(б) секретарям губкомов и начальникам политорганов дивизий Красной Армии, когда в ряде уездов края шли бунты крестьян против продразверстки Совнаркома, говорилось, что собственническое крестьянство охотно принимало советскую форму государства без коммунизма — эсеровское народовластие [27]. По мнению И. И. Минца, «деревня голосовала за несуществующую партию — от правых эсеров массы давно отвернулись» [18, с. 835]. Как писал белый историк Н. Н. Головин, «то, что масса русского крестьянства видела в социалистах-революционерах лишь нужных попутчиков, объясняет поразивший многих современников факт: отдав свои голоса социалистам-революционерам для образования большинства в Учредительном собрании, крестьянская масса никак не реагировала на разгон большевиками этого Собрания» [28, с. 325].

Однако в конечном итоге голоса крестьян Сибири, как и крестьянства Европейской России, были присвоены «верхушкой» лидеров партии эсеров из числа «черновцев» и «авксентьевцев». Узурпация итогов выборов, как показали дальнейшие события, вызвала неожиданную для лидеров правых эсеров пассивность крестьян Сибири в деле защиты Учредительного собрания, так как они ограничились резолюциями протеста на своих съездах, однако на силовое отстаивание своего мнения не пошли. Несмотря на убедительную победу в Сибири, партия эсеров, имея в виду сторонников В. М. Чернова, исходивших из иллюзорного представления о ведущей роли крестьянства в жизни общества, проиграла политическую власть в стране, ибо главный итог выборов состоял в том, что большевики и их союзники одержали победу в городе, в том числе и в сибирском. По Омску и пригородам они получили 58,8 % голосов [29]. Схожая картина была в других ключевых городах региона. Успех эсеров в некоторых уездных городах, например, в Тобольской губернии общей картины не менял.

Успех большевиков края и их союзников не в последнюю очередь связан был с ростом влияния новых органов власти на местах в лице Советов, которые постепенно получали доверие пролетарской части города и части военных, выступавших против войны. С. П. Мельгунов отметил: «Безразличны и партии, и политика, и революция. Поддержат всех, кто покажет хоть призрак мира» [30, с. 60].

Анализируя голосование городов за большевиков, член антисоветских правительств края Г. К. Гинс пишет: «Если о сибирском крестьянстве в массе можно сказать, что оно осталось чуждым большевизму, то о кругах городского населения будет правильно противоположное. Город всегда представлял более благодарный материал для революции. Сосредоточение в одном месте, более восприимчивое население, при наличии агитационных средств и демагогии, легко поднять против власти и капитализма. Большевизм, с его деморализующими приемами и покровительством низким инстинктам толпы, не мог, конечно, не прийти по душе городской черни» [31, с. 29].

Позитивные итоги выборов для эсеров давали их вождям надежду на возврат к власти мирным путем, и они объявили лозунг «Вся власть Учредительному собранию». Газета кооператоров Омска «Вечерняя заря» писала: «День созыва Учредительного собрания — день торжества принципов народо-властия — будет днем падения большевистского самодержавия» [32]. Этот лозунг поддержал в том или ином понимании ряд социальных групп, выступавших за продолжение курса «керенщины» и создание однородной социалистической власти, в том числе и в Сибири [22, с. 62]. В первую очередь, в данной перспективе развития революции заинтересована была разночинская интеллигенция, составлявшая костяк партии эсеров, воспитанная в духе парламентских иллюзий. Видный эсер Б. Ф. Соколов так объяснял ее отношение к статусу Конституции: «Из всех политических партий с идеей Учредительного собрания узамы особенно тесными... была связана партия социалистов-революционеров... для них не было мыслимо народоуправство без Учредительного собрания, а сама революция, казалось им, должна иметь своей вершиной изъявления народной воли, провозглашенной через Учредительное собрание» [28, с. 309].

Большевики верховную власть уступать никому не намеревались, тем более что II Всероссийский съезд Советов разрешил своими декретами основные, в первую очередь земельный, вопросы России в русле их общей программы. Поставить их под сомнение и отменить, как хотели правые социалисты, они не собирались: «Ход событий и развитие классовой борьбы в революции привели к тому, что лозунг «Вся власть Учредительному собранию», не считающийся с завоеваниями рабоче-крестьянской революции, не считающийся с Советской властью, не считающийся с решениями II Всероссийского съезда крестьянских Советов и т. д., такой лозунг стал на деле лозунгом кадетов и калединцев и их пособников. Для всего народа стало вполне ясным, что Учредительное собрание, если бы оно разошлось с Советской властью, было бы неминуемо осуждено на политическую смерть» [33, с. 164–165].

В этом стремлении большевики и их союзники имели поддержку решающей силы революции — основной массы солдат. Так, собрание делегатов частей гарнизона столицы заявило: «Учредительное собрание должно идти по заветам и принять все большевистские декреты» [34]. По существу, мнение солдатских Советов оформило «антиконституционный» курс советской демократии в отношении Конституции. Как писала газета «Новая жизнь», критикуя нового главнокомандующего армией большевика Н. В. Крыленко в статье «Маленький Бонапарт», «позволившего себе призвать солдат бороться с Учредительным собранием или, как он выражается, с теми, кто «пользуется темнотою народной, от имени народа снова в Учредительном собрании стремится затянуть на шею народа петлю» [34]. Исходя из этого видения места и роли Конституции в ходе революции, большевики пошли на ее созыв в качестве тактического шага, чтобы затем под благовидным поводом разогнать [30, с. 355].

О таком варианте развития событий говорил эсер-максималист Н. И. Ривкин на I Всероссийском съезде крестьянских Советов. Важно, что левые эсеры указали на несложность данного политического действия, ссылаясь на легкость роспуска Со-

вета Республики после Октябрьского политического переворота в столице.

Один из идеологов роспуска Конституции И. В. Сталин, дискутируя и критикуя тезисы ЦК меньшевиков октября 1918 г., отмечал: «В начале 1917 г. лозунг Учредительного собрания был прогрессивен, и большевики стояли за него. В конце 1917 г., после Октябрьского переворота, лозунг Учредительного собрания стал реакционным, ибо он перестал соответствовать новому соотношению борющихся политических сил в стране» [35, с. 137]. Далее он заявлял: «Крестьяне в стране даже не почувствовали роспуска, а рабочие встретили роспуск с ликованием» [35, с. 138]. Этот тезис совпадает с мнением эсера Б. Ф. Соколова о солдатах, который констатирует: «Их симпатии тяготели вполне определенно и нескрываясь к Советам. Эти последние были для них институтами близкими и родными, напоминающие им их деревенские сходы. Заседания прифронтовых Советов привлекали с первых же дней большое количество посторонних слушателей, которые вмешивались в дела советские, влияя нередко на их решения. Как армейский комитет, который солдаты называли «нашим Советом», так и столичные Советы казались им близкими, а деятельность их понятной. Не раз в первые месяцы мне приходилось слышать от солдат, и притом наиболее интеллигентных, возражения против Учредительного собрания. Для большинства из них это последнее ассоциировалось с Государственной думой, учреждением им далеким. «К чему какое-то Учредительное собрание, когда есть наши Советы, где заседают наши депутаты, которые могут все разрешить, во всем разобраться» [28, с. 309].

Этот взгляд разделяли вожди левых эсеров. Они учитывали «полевание» настроения солдатской массы, заявив 27 ноября 1917 г. на своем первом съезде: «Мы не можем стоять за Учредительное собрание, оно совершенно изжило себя. Мы должны уйти на места и проводить свои взгляды, и единственно, что встретит сочувствие и признание масс, это власть Советов» [36, с. 19]. Стоит признать, что в данный период исход борьбы за власть как в центре страны, так и в Сибири решался солдатской массой, а она безоговорочно, особенно молодая ее часть, поддерживала советскую демократию — «вся солдатчина шла за большевиками» [28, с. 124]. Большевик В. И. Миллер указал, что большевики в первые месяцы власти Советов опирались не столько на пролетариат, сколько на разложившуюся в ходе четырехлетней бессмысленной бойни старую армию. В Сибири, где солдаты свои голоса отдали в основном за список большевиков [6, с. 91], роспуск Учредительного собрания не вызвал каких-либо социальных потрясений. Поэтому советское правящее меньшинство могло навязать свою политическую волю населению России. Так, III Всероссийский съезд Советов, утвердив декрет о роспуске Конституции, заявил: «Нам, представителям рабочих, нужно, чтобы народ был не только голосующим, но и правящим. Властвуют не те, кто выбирают и голосуют, а те, кто правят» [37, с. 37].

Специфика борьбы вокруг Конституции и верховной власти в России в это время была в том, что лидер новой революции В. И. Ленин и другие советские политики, как М. А. Спиридонова, говорившая, что власть Советов при всей своей хаотичности большая и лучшая выборность, чем вся «учредилка», думы и земства [36, с. 146], были уверены, что лозунг «Вся власть Учредительному

собранию» выдвинули кадеты. Мнение об источнике антисоветского лозунга, видимо, было результатом приказа вставшего на путь фронды командующего ставкой генерала Н. Н. Духонина, связанного с лидерами кадетов, командирам ударных батальонов смерти о защите от разгона Учредительного собрания. Но это не отражало взгляда кадетов на роль Конституанты в ходе политических событий в конце 1917 г. Это объясняется тем провалом, который они потерпели в августе, поддержав мятеж генерала Л. Г. Корнилова. П. Н. Милоков признал, что название «кадет» стало в народе бранным словом [5, с. 242]. В связи с этим фактом рейтинг кадетов был низким, и на выборах они получили 4,5 % голосов избирателей, а по другим сведениям — 4,7 %. Еще более крупное поражение они потерпели в Сибири, где их предпочли всего 65 259, или 2,7% избирателей [22, с. 232] (по данным М. В. Шиловского — 77 973 голоса, или 2,93 % [6, с. 90]).

Исходя из реалий, кадеты негласно одобрили роспуск Конституанты, так как, кроме поражения на выборах [38, с. 267], их не устраивал и тот факт, что в целом в конституционном органе страны были представлены социалистические партии. В январе 1918 г. ЦК партии кадетов на совещании в Москве принял решение, что Учредительное собрание «не было в состоянии осуществить принадлежащих ему функций и тем выполнить задачу восстановления в России порядка», «возобновление его деятельности должно быть сочтено нецелесообразным и ненужным» [4, с. 78]. Это же мнение выразил в начале своего правления Верховный правитель России адмирал А. В. Колчак, ратуя не за воссоздание первоначальной конструкции Конституанты, а за созыв нового Национального Учредительного собрания, так как «созыв в дни развала страны Учредительного собрания дал односторонний партийный состав» [39].

Данное решение ЦК партии кадетов обусловило их коренное политическое расхождение в годы Гражданской войны с партиями правых социалистов [4, с. 78]. Указанное политическое противостояние выявилось еще в период работы Чрезвычайного Сибирского областного съезда в декабре 1917 г., на котором эсеровское большинство лишило цензовые элементы права решающего голоса, а съезд объявило «Организацией Временной Всесибирской социалистической власти» [6, с. 112]. Решение эсеровского большинства областного форума стало основой острого политического противостояния правых социалистов с цензовыми элементами в период Гражданской войны в Сибири, например, осенью 1918 г., когда стоял вопрос об установлении военной диктатуры для продолжения борьбы в стране с Советской властью. Российские кадеты еще в конце 1917 г., исходя из факта негативных политических реалий для них, встали на путь антидемократической борьбы за власть, развязав гражданскую войну на юге страны, за что попали под репрессии новых властей России.

Еще одним аргументом за роспуск Конституанты было, кроме указанных причин, также явное желание большевиков, их союзников, а также кадетов не допустить в стране возрождения системы двоевластия, которая, как показали события, последовавшие за государственным переворотом Февраля 1917 г., пагубным образом отражалась на общей ситуации в России. Еще в августе лидер сибирских кадетов В. А. Жардецкий заявил, что «органы городского самоуправления, органы земского само-

управления суть органы власти» [40], противопоставляя их Советам. Исходя из объективных условий, В. И. Ленин доказывал, что столкновение между Советской властью и Учредительным собранием было итогом кризиса всей истории русской революции 1917 года.

Выводы. Необходимо признать, что по проблеме роспуска Учредительного собрания две ведущие политические силы страны, большевики и кадеты были единомышленны — крайности сошлись, отражая тем самым объективные тенденции развития революции в России, т. е. «советская» и «цензовая» демократии отказали «умеренной» демократии эсеров и меньшевиков в поддержке легитимности Конституанты. Это публично сделали и послы стран-союзников, отказавшись присутствовать на открытии конституционного форума. Тем самым институт Учредительного собрания потерял свою легитимность и, как итог, — свой исторический смысл в развитии русской революции. Данный феномен, т. е. полная утрата в короткий срок политического доверия со стороны народных масс Европейской России к Конституанте, всецело относится и к общественности Сибири.

Заключение. История Всероссийского Учредительного собрания 1918 года является иллюстрацией того сложного процесса трансформации общества в ходе революционных преобразований в новую форму социально-политического существования. Успех или не успех конституционного оформления результатов данных преобразований зависят как от глубины революционных процессов и степени участия в них народных масс, так и от соотношения политических и классовых сил, борющихся за власть в стране.

Примечания

¹Конституанта (франц. *constituante, assemblée*) — во Франции и ряде франкоговорящих стран — является синонимом учредительного собрания, или общенационального коллегиального представительного органа, созываемого для разработки и принятия конституции страны. Конституанта имеет разные названия — собственно учредительное собрание, конституционное собрание (ассамблея, конгресс, конвент, сейм), большое народное собрание и т. д. В России политические партии после Февраля 1917 года ориентировались на опыт Французской революции 1789 года, поэтому в ряде случаев это название Учредительного собрания использовалось российскими политиками.

Библиографический список

1. Керимов А. А. Ретроспективный взгляд на эволюцию теории и практики парламентаризма в России // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 54. С. 45–52. DOI: 10.17223/19988613/54/7.
2. Соколов А. В. Государство и Православная церковь в России, февраль 1917–январь 1918 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. 810 с.
3. Русские ведомости. 1917. 28 ноября (11 декабря). № 260.
4. Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1982. 416 с.
5. Милоков П. Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. 764 с. ISBN 5-8243-0152-2.
6. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2003. 427 с. ISBN 5-87550-150-2.
7. Вестник Временного правительства. 1917. 30 мая (12 июня). № 66.

8. Вестник Временного правительства. 1917. 6 (19) сентября. № 145.
9. Вестник Временного правительства. 1917. 27 мая (9 июня). № 64.
10. Вестник Временного правительства. 1917. 26 мая (8 июня). № 63.
11. Чернов В. М. Перед бурей. Мн.: Харвест, 2004. 416 с. ISBN 985-13-1809-4.
12. Добровольский А. В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917–1923 гг.). Новосибирск: Наука, 2002. 397 с. ISBN 5-02-031841-8.
13. Степная речь (Омск). 1917. 28 ноября. № 263.
14. Кузьмин В. Л. Дальневосточные организации эсеров в 1917 г. // Россия и АТР. 2017. № 3 (97). С. 48–60.
15. Косых Е. Н. Газетная периодика Сибири марта 1917–мая 1918 гг. в цифрах // Октябрь и Гражданская война в Сибири. 1993. С. 106–117.
16. Учредительное собрание (Омск). 1917. 4 октября. № 3.
17. Омский телеграф. 1917. 12 сентября. № 197.
18. Минц И. И. История Великого Октября. В 3 т. 2-е изд. М.: Наука, 1977. Т. 3. 903 с.
19. Троцкий Л. Д. История русской революции. В 2 т. Т. 2. Ч. 2. Октябрьская революция. М.: Терра; Республика, 1997. 397 с. ISBN 5-300-01362-5.
20. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Иркутской губернии (март 1917–ноябрь 1918 гг.) / сост. Е. Н. Косых. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 219 с.
21. Вишняк М. В. Созыв и разгон Учредительного собрания // Октябрьский переворот: революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка. М.: Современник, 1991. С. 336–347.
22. Черняк Э. И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917–ноябрь 1918 года): моногр. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 238 с. ISBN 5-7511-1436-1.
23. Вестник Временного правительства. 1917. 12 (25) сентября. № 151.
24. Вестник Временного правительства. 1917. 20 июля (2 августа). № 109.
25. Омский телеграф. 1917. 17 августа. № 177.
26. Корольков О. П. Выборы в Учредительное собрание в Псковской губернии (1917 г.) // Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2016. № 45. С. 45–67.
27. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.
28. Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. В 2 т. М.: Айрис-пресс, 2011. Т. 1. 560 с.
29. Пролетарий (Омск). 1918. 12 января. № 4.
30. Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть: октябрьский переворот 1917 года. М.: Айрис-пресс, 2005. 634 с. ISBN 5-8112-1311-5.
31. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак: поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. М.: Айрис-пресс, 2008. 670 с. ISBN 978-5-8112-3010-5.
32. Вечерняя заря (Омск). 1918. 2 января. № 2.
33. Ленин В. И. Тезисы об Учредительном собрании // ПСС. В 55 т. М., 1974. Т. 35. С. 162–166.
34. Известия Усть-Каменогорского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 21 декабря. № 128.
35. Сталин И. Логика вещей // Сочинения. В 16 т. М., 1947. Т. 4. С. 134–145.
36. Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы. 1917–1925 гг. В 3 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 864 с.
37. Сталин И. Выступление на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов // Сочинения. В 16 т. М., 1947. Т. 4. С. 30–37.
38. Тимохина Д. А. Санкт-Петербургская организация конституционно-демократической партии в 1905–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2017. 314 с.
39. Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-1015. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 об.
40. Омский телеграф. 1917. 29 августа. № 187.

ВТОРУШИН Михаил Иванович, кандидат исторических наук.

SPIN-код: 9090-9470

AuthorID (РИНЦ): 291906

Адрес для переписки: vtorushin-m2013@yandex.ru

Для цитирования

Вторушин М. И. Сибирское общество и Всероссийское Учредительное собрание в контексте кризиса революции 1917 года // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 3. С. 22–30. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-22-30.

Статья поступила в редакцию 17.05.2019 г.

© М. И. Вторушин

SIBERIAN SOCIETY AND ALL-RUSSIAN CONSTITUENT ASSEMBLY IN CONTEXT OF CRISIS OF 1917 REVOLUTION

Research objective is identification of the reasons of failure of process of legitimation of the Constituent assembly in development of the Russian revolution. The article considers as well as the problem of attitude of the Russian political parties to Institute of all-Russian Constituent Assembly and the reasons for the failure of the process of legitimizing of this Constituency in the development of the Russian revolution, the specifics of the election campaign in the Siberian region of the country and its outcomes as well as the reaction of the Siberian community at the dissolution of the constitutional forum of revolutionary Russia.

Keywords: February revolution, the Provisional government of the Siberian region, Russian Constituent Assembly, «enfranchised» democracy, «Soviet» democracy, the October political coup, the all-Russian Congress of Soviets.

References

1. Kerimov A. A. Retrospektivnyy vzglyad na evolyutsiyu teorii i praktiki parlamentarizma v Rossii [Retrospective view on the evolution of the theory and practice of parliamentarism in Russia] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. *Tomsk State University Journal of History*. 2018. No. 54. P. 45–52. DOI: 10.17223/19988613/54/7. (In Russ.).
2. Sokolov A. V. Gosudarstvo i Pravoslavnaya tserkov' v Rossii, fevral' 1917 – yanvar' 1918 gg. [State and Orthodox Church in Russia, February 1917 – January 1918]. St. Petersburg, 2014. 810 p. (In Russ.).
3. Russkie vedomosti (Moscow). *Russkie Vedomosti (Moscow)*. 1917. November 28 (December 11). No. 260. (In Russ.).
4. Dumova N. G. Kadetskaya kontrrevolyutsiya i eye razgrom [The Cadet Counter-Revolution and its Rout]. Moscow, 1982. 416 p. (In Russ.).
5. Milyukov P. N. Istoriya vtoroy russkoy revolyutsii [The History of the Second Russian Revolution]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001. 764 p. ISBN 5-8243-0152-2. (In Russ.).
6. Shilovskiy M. V. Politicheskiye protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917–1920 gg. [Political processes in Siberia in the period of social cataclysms of 1917–1920]. Novosibirsk, 2003. 427 p. ISBN 5-87550-150-2. (In Russ.).
7. Vestnik Vremennogo pravitel'stva. *Vestnik Vremennogo Pravitel'stva*. 1917. May 30 (June 12). No. 66. (In Russ.).
8. Vestnik Vremennogo pravitel'stva. *Vestnik Vremennogo Pravitel'stva*. 1917. September 6 (19). No. 145. (In Russ.).
9. Vestnik Vremennogo pravitel'stva. *Vestnik Vremennogo Pravitel'stva*. 1917. May 27 (June 9). No. 64. (In Russ.).
10. Vestnik Vremennogo pravitel'stva. *Vestnik Vremennogo Pravitel'stva*. 1917. May 26 (June 8). No. 63. (In Russ.).
11. Chernov V. M. Pered burey [Before the storm]. Minsk: Kharvest Publ., 2004. 416 p. ISBN 985-13-1809-4. (In Russ.).
12. Dobrovolskiy A. V. Esery Sibiri vo vlasti i v oppozitsii (1917–1923 gg.) [The Social Revolutionaries of Siberia in power and in opposition (1917–1923)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2002. 397 p. ISBN 5-02-031841-8. (In Russ.).
13. Stepnaya rech' (Omsk). *Stepnaya Rech' (Omsk)*. 1917. November 28. No. 263. (In Russ.).
14. Kuzmin V. L. Dal'nevostochnye organizastii eserov v 1917 g. [The Far Eastern organizations of the Socialist Revolutionaries in 1917] // Rossiya i ATR. *Russia and the Pacific*. 2017. No. 3 (97). P. 48–60. (In Russ.).
15. Kosykh E. N. Gazetnaya periodika Sibiri marta 1917 – maya 1918 gg. v tsifrah [Newspaper periodicals in Siberia, March 1917 – May 1918 in numbers] // Oktyabr' i Grazhdanskaya voyna v Sibiri. *Oktyabr' i Grazhdanskaya Voyna v Sibiri*. 1993. P. 106–117. (In Russ.).
16. Uchreditel'noye sobraniye (Omsk). *Uchreditel'noye Sobraniye (Omsk)*. 1917. October 4. No. 3. (In Russ.).
17. Omskiy telegraf. *Omskiy Telegraf*. 1917. September 12. No. 197. (In Russ.).
18. Mints I. I. Istoriya Velikogo Oktyabrya [History of the Great October Revolution]. In 3 vols. 2nd ed. Moscow: Nauka Publ., 1977. Vol. 3. 903 p. (In Russ.).
19. Trotskiy L. D. Istoriya russkoy revolyutsii. V 2 t. T. 2. Ch. 2. Oktyabr'skaya revolyutsiya [The History of the Russian Revolution. In 2 vols. Vol. 2. Part 2. The October Revolution]. Moscow, 1997. 397 p. ISBN 5-300-01362-5. (In Russ.).
20. S"yezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsiy v Irkutskoy gubernii (mart 1917 – noyabr' 1918 gg.) [Congresses, conferences and meetings of social class, political, religious, national organizations in the Irkutsk province (March 1917 – November 1918)] / Comp. E. N. Kosykh. Tomsk: TSU Publ., 1991. 219 p. (In Russ.).
21. Vishnyak M. V. Sozyv i razgon Uchreditel'nogo sobraniya [Convocation and dispersal of the Constituent Assembly] // Oktyabr'skiy perevorot: revolyutsiya 1917 goda glazami eye rukovoditeley. Vospominaniya russkikh politikov i kommentariy zapadnogo istorika [October Revolution: the revolution of 1917 through the eyes of its leaders. Memories of Russian politicians and the commentary of a Western historian]. Moscow: Sovremennik Publ., 1991. P. 336–347. (In Russ.).
22. Chernyak E. I. Revolyutsiya v Sibiri: s"yezdy, konferentsii i soveshchaniya obshchestvennykh ob'yedineniy i organizatsiy (mart 1917 – noyabr' 1918 goda) [Revolution in Siberia: congresses, conferences and meetings of public associations and organizations (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: TSU Publ., 2001. 238 p. ISBN 5-7511-1436-1. (In Russ.).
23. Vestnik Vremennogo pravitel'stva. *Vestnik Vremennogo Pravitel'stva*. 1917. September 12 (25). No. 151. (In Russ.).
24. Vestnik Vremennogo pravitel'stva. *Vestnik Vremennogo Pravitel'stva*. 1917. July 20 (August 2). No. 109. (In Russ.).
25. Omskiy telegraf. *Omskiy Telegraf*. 1917. August 17. No. 177. (In Russ.).
26. Korol'kov O. P. Vybory v Uchreditel'noe sobranie v Pskovskoy gubernii (1917 g.) [Elections to the Constituent Assembly in the Pskov Gubernia (1917)] // Nauchno-prakticheskiy, istoriko-kraevedcheskiy zhurnal. *Nauchno-prakticheskiy, Istoriko-kraevedcheskiy Zhurnal*. 2016. No. 45. P. 45–67. (In Russ.).

27. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Tomskoy oblasti (TSDNI TO) [Documentation center of newest history of Tomsk region (DCNH TR)]. File: 1/1/27/2. (In Russ.).
28. Golovin N. N. Rossiyskaya kontrrevolyutsiya v 1917–1918 gg. [The Russian Counterrevolution in 1917–1918]. In 2 vols. Moscow, 2011. Vol. 1. 560 p. (In Russ.).
29. Proletariy (Omsk). *Proletariy (Omsk)*. 1918. January 12. No. 4.
30. Mel'gunov S. P. Kak bol'sheviki zakhvatili vlast': oktyabr'skiy perevorot 1917 goda [How the Bolsheviks seized power: the October 1917]. Moscow, 2005. 634 p. ISBN 5-8112-1311-5. (In Russ.).
31. Gins G. K. Sibir', soyuzniki i Kolchak: povorotnyy moment russkoy istorii 1918–1920 gg. [Siberia, the Allies and Kolchak: a turning point in Russian history 1918–1920]. Moscow, 2008. 670 p. ISBN 978-5-8112-3010-5. (In Russ.).
32. Vechernyaya zarya (Omsk). *Vechernyaya Zarya (Omsk)*. 1918. January 2. No. 2. (In Russ.).
33. Lenin V. I. Tezisy ob Uchreditel'nom sobranii [Theses on the Constituent Assembly] // PSS [Complete works]. In 55 vols. Moscow, 1974. Vol. 35. P. 162–166. (In Russ.).
34. Izvestiya Ust'-Kamenogorskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov. *Izvestiya Ust'-Kamenogorskogo Soveta Rabochikh i Soldatskikh Deputatov*. 1917. December 21. No. 128. (In Russ.).
35. Stalin I. Logika veshchey [The Logic of Things] // Sochineniya [Works]. In 16 vols. Moscow, 1947. Vol. 4. P. 134–145. (In Russ.).
36. Partiya levyykh sotsialistov-revolutsionerov: dokumenty i materialy. 1917–1925 gg. [The Party of Left Socialist-Revolutionaries: documents and materials. 1917–1925]. In 3 vols. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000. Vol. 1. 864 p. (In Russ.).
37. Stalin I. Vystupeniye na III Vserossiyskom s"yezde Sovetov rabochikh, soldatskikh i krest'yanskikh deputatov [Speech at the III All-Russian Congress of Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies] // Sochineniya [Works]. In 16 vols. Moscow, 1947. Vol. 4. P. 30–37. (In Russ.).
38. Timohina D. A. Sankt-Peterburgskaya organizatsiya konstitutsionno-demokraticheskoy partii v 1905–1917 gg. [Saint Petersburg Organization of the Constitutional Democratic Party in 1905–1917]. St. Petersburg, 2017. 314 p. (In Russ.).
39. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (GIAOO) [Historical archive of the Omsk region (SHAOR)]. File: P-1015/1/14/1. (In Russ.).
40. Omskiy telegraf. *Omskiy Telegraf*. 1917. August 29. No. 187. (In Russ.).

VTORUSHIN Mikhail Ivanovich, Candidate of Historical Sciences.

SPIN-code: 9090-9470

AuthorID (RSCI): 291906

Address for correspondence: vtorushin-m2013@yandex.ru

For citation

Vtorushin V. I. Siberian Society and All-Russian Constituent Assembly in context of crisis of 1917 revolution // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2019. Vol. 4, no. 3. P. 22–30. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-22-30.

Received 17 May 2019.

© V. I. Vtorushin